

Глава шестая

НА ТОЛБАЧИКЕ

В кратере

(Сентябрь 1962 г.)

...Сентябрь на Камчатке — один из лучших месяцев года. Молоденькая лиственница у подножия Толбачика стоит такая же свежая и зеленая, как в самом начале лета, а среди густых зеленых иголок кедрача уже буреют зреющие шишки. То тут, то там в кустах слышны шорохи и резкие гортанные крики кедровок. Листья ольхи как-то поблекли, и видно, что они скоро засохнут и опадут. В траве преобладают багряные и желтые тона. Низенькие кустики голубики, с перезревшими и подсыхающими сладкими ягодками, нежно-багряные. Когда под тяжестью рюкзаков наклоняешься к земле, видишь всю щедрость камчатской осени: темно-сизая голубика, черная, налитая чуть сладковатым водянистым соком шишка и наполовину красная брусника образуют своеобразный натюрморт. Но вот кусты ольхи и кедрача видны уже только издали, травянистый и моховой покров кончается, и впереди одни шлаковые осыпи, снежники, ледниковые ручьи, знаменитые толбачинские лавы и... холод.

Поднявшись на вулкан, мы разбили лагерь у самой вершины — в 20 минутах ходьбы до кратера.

Прошла ночь, полная беспокойства. Ледяной ветер со снегом немилосердно трепал палатку, стараясь ее сорвать. Раза два-три ему удавалось повалить один из двух основных кольев, на которых она держалась, и тогда она начинала неистово биться о землю. Мы выбирались из спальных мешков, в которых лежали одетыми, связывали перебитые о камни капроновые веревки, снова натягивали трепещущее на ветру полотнище. Прошла ночь, но ветер не унимается. Мы лежим в спальных мешках плотно друг к другу, слушаем свист ветра и строим планы,

Они целиком зависят от погоды. Если она будет ухудшаться и дальше, нам лучше опуститься вниз.

Вчера вечером мы уже были в кратере, но из-за плохой погоды видели мало. Ветер крутил по всему кратеру облака ядовитых вулканических газов, и их концентрация была такова, что оставаться там более нескольких минут было рискованно. Газы вызывали резь в глазах, носоглотке и в легких, в висках начинало больно стучать. У нас нет с собой противогазов, и мы сначала думаем растворить в воде содовые таблетки, смочить тряпки и сделать повязки на рот и нос, но потом отказываемся от этой идеи, потому что повязки все равно замерзнут. Нам остается надеяться на то, что в следующий раз ветер будет более устойчивым.

Погода в середине дня разгуливается. Однако ветер продолжает свирепствовать и метет колючий снег и песок. Небо уже кое-где очистилось, и видна вершина Толбачика с клубящимися над ней густыми белыми вулканическими парами.

Решаем идти в кратер. Мы оставляем палатку, хотя в наше отсутствие ветер может ее разорвать. Поднимаемся по ноздреватым лавам, снежникам, шлаковым осыпям. Под ногами то тут, то там падаются звездчатые сростки кристаллов полевого шпата. Иногда они белые, иногда черные от покрывающей их пленки блестящего, как вар в изломе, вулканического стекла. Эти кристаллы образовались в жидкой магме, когда она находилась в спокойных условиях на глубине. Они плавали в ней, как крупинки в супе, до тех пор, пока магма не поднялась к поверхности Земли, не вскипела и не была выброшена в виде кусков шлака расширяющимися магматическими газами.

Поднимаемся на плоскую вершину вулкана, и перед нами открывается вид на действующий кратер. Сейчас он ниже насю Ветер более или менее устойчив, дует в одну сторону, и мы получаем возможность спуститься в кратер и подойти вплотную к краю огромного колодца в его середине. Глубина колодца 100—150 метров. Почти со всех сторон на несколько десятков метров его отвесные стенки — сплошной лед.

Со дна ледяного колодца уходит в глубину вер-

тикальное круглое каменное отверстие диаметром 10—15 метров. Стенки его раскалены, в нем кипит кроваво-красная лава. Вот уж воистину сочетание — лед и пламень! Отсюда, из этой геенны огненной, поднимаются клубы ядовитых вулканических газов. Облака их периодически заволакивают весь кратер и окутывают нас. В конце концов нам приходится отойти от ледяного колодца к краю кратера. Облака газов доходят до нас теперь реже. Мы собираем образцы вулканических пород. В кратере кое-где из-под сыпучих шлаков и снега выступают лавы, похожие на толстые перекрученные канаты.

Волосы огненных фей (Сентябрь 1962 г.)

*Приди за полночь к кратеру один
И подожди веселых фей из сказки...
Я находил там волосы богинь,
Которые они теряли в плясках*

В кратерах на черном вулканическом песке, засыпанном снежником, блестит на солнце тонкая золотистая нить. А вот другая, третья... Много их. Это волосы Пеле — богини огня, как ее называют жители Гавайских островов. Они разные, эти волосы. Вон черный волос, похожий на конский. А вон целая прядь золотисто-белых, подобная нежному локону блондинки. Может быть, здесь обитает не одна, а целый сонм огненных богинь, стеклянные волосы которых необыкновенно хрупки при обычной температуре и вязки и пластичны при температуре 1000°. И может быть, чтобы увидеть их, надо прийти сюда в полночь?

Увы, мы знаем, что эти нити — (результат естественного стеклянного дутья, что они вытягиваются газами в расширяющихся пустотах раскаленного вязкого шлака. Мы знаем, что огненных фей здесь в полночь не встретишь. Но мы все-таки придем сюда ночью, чтобы увидеть эффектное зрелище — кратер, освещенный кипящей лавой, — и как можно лучше рассмотреть явления, происходящие в раскаленном жерле и невидимые при дневном свете.

Ночь над раскаленным жерлом

(Сентябрь 1962 г.)

Второй день питаемся только шоколадом и мандариновым компотом. Но сейчас, пока мы находимся в кратере, ветер немного стих, и можно спуститься в лагерь и сварить себе нормальную рисовую кашу с тушенкой. После такого плотного ужина снова, уже в сумерках, захватив с собой электрические фонарики, поднимаемся к кратеру. Сумерки сгущаются, и курчавое белое облако над вулканом становится кроваво-красным.

Наконец мы опять на вершине. Вокруг нас панорама, захватывающая дух необычайной, какой-то демонической красотой. На западе под нами обледенелые склоны вулкана, в которых отражается лунный свет. Дальше сплошная пелена волнистых облаков, над которыми в черном небе с мерцающими звездами повисла половина диска луны. Оправа и слева от нас в лунном свете белоснежная кромка вершины Толбачика, а прямо, в кратере, освещенный изнутри красным светом, огромный ледяной колодец. Нас отделяет от него небольшое пространство, занятое снежниками, шлаками, канатными лавами. Поток красного света из глубины ледяного колодца притягивает нас, как пламя свечи мотыльков. Мы, подобно лунатикам, обходим препятствия и подходим к краю ледяного колодца. Его стенки, как мощные рефлекторы, отражают свет. Свет лавы отражается и поднимающимся над кратером вулканическим облаком. И, по-видимому, чем выше облако, тем дальше видно зарево над Толбачиком. Такова его разгадка.

В глубине, в раскаленном каменном колодце, кипит лава. Сейчас все происходящее там видно гораздо лучше, чем днем. Облака газов просвечивают насквозь и не мешают наблюдать за поверхностью лавы. От нее то и дело на большую высоту взмываются красные брызги, а иногда невысокие языки пламени. По-видимому, это мельчайшая раскаленная лавовая пыль — вулканический пепел. Охлаждаясь, она превращается в черный дым. Оттуда, из глубины колодца, доносится шум и урчание, как из огромного кипящего котла. Ночью просвечи-

баемые вулканические пары кажутся более безобидными, чем днем, но временами, окутывая нас, они раздражающе действуют на глаза, носоглотку, легкие.

Холодно. Отходим от края ледяного колодца, но покинуть вершину вулкана не в силах. Близится полночь, и кажется, что вот-вот в кратере появятся огненные феи со стеклянными волосами. Время идет, но феи не появляются. По-видимому, в течение очень многих месяцев все здесь остается без перемен, и золотистые волосы огненных богинь остались как следы бушевавшей в прошлом стихии. А когда она будет бушевать снова? Увы! Нам трудно ответить на этот вопрос.

...Опускаемся к лагерю, унося с собой неизгладимое впечатление. Пусть ждет нас ночь без сна, полная тревоги, пусть к утру носом пойдет кровь, пусть на обратном пути дождь вымочит до нитки, но мы... мы изучаем вулканы.

Никакая фотография не способна сделать это в полной мере. Мне кажется, что даже такие большие художники, как Врубель, Сарьян и Рокуэлл Кент, не справились бы вполне с этой задачей. Как передать на полотне свист ветра, урчание и всплески лавы, грохот камней, срывающихся с отвесного ледяного карниза, и настроение, порождаемое демоническими силами природы? Может быть, это могли бы сделать Бетховен или Вагнер? Может быть. И все же, чтобы до конца ощутить величие и дикую красоту этих природных явлений и получить ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, надо самому побывать на вершинах наиболее активных камчатских вулканов.

